

населения до нескольких десятков миллионов, необходимых для добычи энергоносителей, другого сырья, его первичной, когда это необходимо, обработки и отправки зарубеж.

Многое из этого, к сожалению, уже стало действительностью, но серьезным препятствием в полной реализации глобализаторских планов США в отношении России, а какой-то мере и во всем мире, может стать менталитет русского народа, которого господин Даллес назвал самым непокорным народом в мире. Конечно, сопротивление россиянам происходящим в стране изменениям, все более ухудшающим их жизнь и все более подвергающих их унижениям, пока довольно пассивное: резервы доверчивости обещаниям властей и терпения еще не исчерпаны, но как верно заметил Н.О. Лосский: «Если же русский усомнится в абсолютности идеала... то он способен перейти от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта»^{iv}.

Возможностью реализации такого сценария в недалеком будущем правящие круги России, по-видимому, обеспокоены не очень сильно, но, тем не менее, идеологи неоллиберализма, усматривая сопротивление осуществлению своих идей со стороны российского менталитета, настойчиво стремятся разрушить его основную структуру, вытравить из него или извратить наиболее значимые представления, убеждения и чувства, повлиять тем самым на изменение жизненной позиции российских граждан в свою пользу. Особенно усердствуют в этом СМИ, больше и прежде всего телевидение и журналисты, нередко осмеянию русский менталитет подвергается и с эстрады.

Прежде всего, такому воздействию подвергается чувство гордости за принадлежность к великому народу, за его трудную, но героическую историю. Подвергается осмеянию чувство патриотизма. Благородную профессию защищать Родину в среде новых русских издевательски заменяют понятием и действием «расхищать Родину». Коллективность изгоняется из сознания людей и замещается индивидуализмом и эгоизмом. Ориентации на карьеру, завоеванную честным трудом, отдается предпочтение ориентации на везение и удачу. Духовные ценности отодвигаются на второй план, безусловное предпочтение отдается материальным ценностям. Делячеству и личной выгоде отдается предпочтение перед верностью, дружбой и любовью.

Менталитет устойчив, он важнейший элемент народной души, но было бы ошибкой считать, что все эти негативные воздействия не оказывают на него влияния. Он нуждается в поддержке и защите со стороны, прежде всего, патриотически ориентированных интеллектуальных сил общества: ученых, идеологов, писателей, журналистов, работников культуры, но особая роль принадлежит системе образования, здесь главная фигура патриотически ориентированный Учитель.

ⁱ Гуревич А.Я. Изучение ментальности – социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. 1988, № 6. С. 16-20.

ⁱⁱ Хомский Ноам. Прибыль на людях. Неoliberalизм и мировой порядок. М., Праксис. 2002.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 9.

^{iv} Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1991. С. 224

РАХМАТУЛЛИНА З.Я.

г. Уфа

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ ЕЕ НАРОДОВ

Во всей историософской полемике о выборе пути современной России, находящейся в условиях либерально-демократического реформирования, главная задача следующая: сохранение субъективности России как самобытной цивилизации, как особой культурно-исторической традиции. «Россия, с ее уникальной многонациональностью, многоукладностью и традицией конструктивного взаимодействия православной и исламской культуры, примирившая в самой себе «европейский и азиатский дух», ставшая в

политическом смысле Евразией, – пишет Н. Нарочницкая, – может быть открыта, в том числе, к Западной Европе, но не должна растворяться в ней. Да и как может сибиряк, или башкир, или бурят желать быть втянутым в чуждую систему ценностей?»¹ Как известно, мировоззренческие идеалы, установки и ценности, сформировавшиеся в процессе активной, творческой деятельности коллективного духа, определяют дух традиции, обуславливающий самобытный, неповторимый облик народа. Но один народ отличается от другого также специфическими для данной этнической общности социально-психологическими чертами. Духовно-душевные и социально-психологические черты народов наиболее полно проявляются в их культуре, особенно в искусстве.

В научной литературе нет единого категориально-терминологического подхода для обозначения психических и духовно-душевных особенностей этносов. Для определения по сути однопорядковых по своему внутреннему содержанию явлений используются такие понятия, как «национальная психология», «психический склад нации», «национальный характер», «душа народа», «национальное сознание» и т.д. В последнее время в научную литературу и публицистику входит понятие «менталитет» как ключевое для обозначения субстанциональных основ национальной психологии, постепенно вытесняя вышеперечисленные. Многие современные исследователи считают недоформализованность и расплывчатость этого термина его достоинством и используют в широком семантическом диапазоне, соединяя социальный анализ и гуманитарные рассуждения о человеке.

Прилагательное «mentalis» (ментальный), восходящее к латинскому слову «mens», появилось еще в 14 веке в языке средневековой схоластики. Существительное «mentality» возникает лишь 300 лет спустя в английской философии 17 века. Во Франции (благодаря Вольтеру) оно проникает в обывденный язык, означая хаотичное и вместе с тем стереотипное сознание, нечто противоположное «мировоззрению». С тем же оттенком некоторой «пренебрежительности» слово вошло в науку: в частности, в этнологию им обозначали сознание дикаря (Л. Леви-Брюль), в психологии – сознание ребенка (А. Валлон). В качестве научного понятия оно закрепилось в исторической психологии, получившей наибольшее развитие в так называемой школе «Анналов» (по названию журнала «Анналы»), появившейся во Франции в 1920-1930-ых гг. под знаменем «Новой истории». Ее основоположники М. Блок (1886-1942) и Л. Февр (1878-1956), поместив психику и личность в связь времен, заложили основы изучения психического склада отдельных исторических эпох и выбрали для этого понятие для обозначения предмета своих исследовательских интересов, предпочтя его «коллективным представлениям», «коллективному бессознательному» и другим близким по смыслу понятиям. В частности, по Ж. Дюби, ментальность – «это система образов, представлений, которые в разных группах или странах ... сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и в своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»¹¹. Как видно, при такой трактовке ментальности суть ее оказывается созвучной «миропониманию», характеризующему общественные формации, конкретные исторические эпохи или этнические общности. Заметим, что представители школы «Анналов» особо подчеркивают, что ментальность представляет собой не совокупность характеристик, а систему взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной общности.

По сути дела речь идет о некоей культурной основе, на которой произрастает общая «коллективная душа» для социума в целом, представляющая для его членов нечто само собой разумеющееся (поведенческий и моральный код, стереотипы мысли и действия, запреты и т.д.) и объективирующаяся в символической практике, поступках и действиях людей. Ментальность, как нам представляется, это некая внутренняя готовность, предрасположенность индивида мыслить и действовать определенным образом, своеобразная внутренняя инстанция долговременных форм поведения и представлений.

«Ментальность, – пишет В.В. Скоробогачкий, – это духовность в ее личностном воплощении и выражении, духовность в ее предметной форме, представшая как некий идеальный (трансцендентальный) тип чувствования и мышления, поведения и действия,

общий для множества индивидов, принадлежащих определенной культуре и определенному времени»ⁱⁱⁱ. Люди в рамках социальной группы несут в себе как бы «вживленные образы» мнений и действий, как в повседневных, так и в «пограничных» ситуациях демонстрируя относительно единообразное отношение к жизненным реалиям и экзистенциальным обстоятельствам.

По мнению В.А. Шкуратова, ментальность можно назвать «человеческой активностью, объективированной в культурных памятниках»^{iv}. Отсюда менталитет народа – это и «умонастроение», и «мыслительные установки», и «склад ума», и «видение мира» (Р. Мандру), и «национальный характер». Менталитет народа обусловлен его историей, культурой, языком, способом организации личного и общественного бытия, природными факторами и, в свою очередь, определяет национальное своеобразие ценностных установок (базисных паттернов) его традиции. М.А. Барг отмечает следующее: «Менталитет – это ... совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т.е. путем повторения. Эти символы (понятия, образы, идеи) служат в повседневном обиходе онтологическим (ответ на вопрос: что это?) и функциональным (ответ на вопрос: как и зачем это?) объяснением, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. Идентичность менталитета среди его носителей обуславливается в конечном счете общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, т.е. тождественным образом их интерпретировать и выражать в одних и тех же символах»^v. Менталитет есть не что иное, как специфический (национальный) способ видеть мир и действовать (когнитивно и прагматически) в определенных экзистенциальных ситуациях. Менталитет как общая духовно-душевная настроенность народа, устойчивый сплав его ценностных предпочтений, чувств, умонастроений и бессознательных, основанных на национальных архетипах душевных влечений, обуславливает самобытный дух национальной традиции, определяет своеобразие и неповторимость национального бытия. Мировоззрение и менталитет народа «живут» по своим специфическим законам и канонам и не в состоянии жить по законам духа чужой традиции.

Либерально-демократическое реформирование общественной жизни, не учитывающее особенности национального развития российского общества, духовность, стиль мышления и менталитет наших соотечественников, отрицание собственной национальной традиции как якобы домодернизационной, не соответствующей духу современной цивилизованной жизни, пропаганда ценностных ориентаций западной традиции и курса на «вестернизацию» представляют сегодня реальную угрозу не только для настоящего и будущего народов России, но и для сохранения субъективности и целостности Российского государства. Попытки отечественных реформаторов приложить однолинейную схему социально-исторического развития, за вершину которого принимается западная цивилизация, к многонациональному российскому обществу, имеющему собственные ценностно-нормативные приоритеты и национальные традиции, в корне отличающиеся от индивидуалистической культуры Запада, привели к серьезным последствиям. Духовный кризис, развал страны, социальная поляризация общества, дегуманизация культуры и морали общества и др. – наглядная демонстрация того, чем оборачивается для национальной истории и национальной души политика радикальных общественных реформ, не считающаяся с объективными законами социального развития, с реальными условиями и возможностями, с традицией народа, с его менталитетом.

Опыт преобразований свидетельствует, что политику реформ в любой сфере общественной жизни (экономической, политической, социальной, образовательной, культурной и т.д.) невозможно производить без учета базовых ценностей и особенностей исторического развития народа, нельзя создать сколько-нибудь серьезных и перспективных планов преобразования общества, хозяйства, культуры, развивать методологию современного образования и воспитания, игнорируя специфику нравственного,

религиозного, культурного опыта народа. Любая программа должна исходить из прошлого и настоящего своей национальной истории. Чтобы осуществить правильный выбор развития, нужно советоваться со своим собственным прошлым, критически осмысливая все негативное и бережно взращивая все ценное. Традиция и новация действуют в жизни в их органическом единстве, необходимо дополняя друг друга. Творчество нового – это такое созидание, которое не уничтожает, не забывает старое, а сохраняет его внутренние потенции, включает его в себя как естественный момент своей истории, как свою предпосылку и основу. Негативные последствия социальных и духовных новаций были очевидны, поскольку они изначально не учитывали ценности собственной традиции, которые и должны были стать фундаментом, базисом новой программы создания и демократического государства, и гражданского общества, и свободной рыночной экономики. Дух народа, его душа – начала самостоятельные, свободные, и они не могут жить по законам духа чужой традиции. В мире нет и не может быть одинаково приемлемых для каждого народа правовых и государственных теорий, духовно-нравственных стандартов, универсальной демократии и единого образца рыночных отношений. В мировом сообществе не существует также и абстрактного рынка: успешно функционируют его различные модификации, творчески переосмысленные в духе собственной национальной традиции.

Бытие народа, его традиция всегда требует заботы. Ответственность перед традицией, забота о ней, постоянное усилие продолжить традицию как начало национального бытия есть главное условие истинной жизни, достойного национального существования, основа и залог будущего народа. Российская социокультурная традиция, выросшая из глубин духовности и народной души, на протяжении веков влияла на стратегическое направление исторического и культурного развития. Она всегда выступала судьбоносным центром национальной жизни народа, обеспечивающим преемственность и постоянство непреходящей и всегда относительно равной самой себе антропологической духовной реальности. Сегодня народам России в качестве жизненной парадигмы предлагается некая космополитическая (либерально-демократическая) модель, не соответствующая ни их мировоззренческим установкам, ни духовно-душевному ориентации. Должны ли они воспринимать образцы жизненного опыта «западного человека», его культурные и цивилизационные стандарты как идеал обустройства своей жизни? Безусловно, нет. В национальных традициях России есть серьезные основания для обретения собственного пути развития, основными ценностями которого могут и должны стать высшие принципы, авторитет духа собственного народа, а не чуждых идей, искусственно внедряемых в общественное сознание. Утверждать, что у народа есть будущее, можно только тогда, когда он будет жить своим умом, в своем собственном духовно-культурном пространстве, на основе ценностей собственной традиции, творчески общаясь с другими народами, а не слепо копируя чужой жизненный опыт. Мы полагаем, что народы России имеют неотчуждаемое право для сохранения своего национального «Я», своих культур в мире универсального эволюционализма в условиях глобализации. Если народ сохраняет верность традиции, то он из своего духовного жизненного опыта, из своей традиции будет находить и цель, и смысл, и путь дальнейшего исторического существования. Быть человеком и народом своей традиции – значить сохранять свою культурную и национальную суверенность. Собственная национальная традиция – вот единственный и предельный источник народной силы, ее пассивной энергии, защитная, стабилизирующая организация личной и общественно-национальной жизни, цивилизационная траектория, знаково и символически оформленный инстинкт самосохранения человека и народа. Как известно, основными характеристиками духа народов России, исторически обусловленного преобладанием сердца над рассудком, чувства над интересом, свободы над властью и принуждением, братства над индивидуализмом, являются: приоритет духовно-нравственных основ бытия над материальными, культ духовности и душевности, развитие коллективных форм общегития. Его базисные паттерны суть Коллективизм, Социальная Справедливость, Патриотизм, Гражданственность, Свободолюбие, Веротерпимость, Духовность. Российская социокультурная традиция

сохраняет свой мировоззренческий, нравственный, эстетический потенциал, способный помочь обществу в преодолении кризисной ситуации, в решении проблемы формирования духовной личности, для которой понятия «народ», «родина», «патриотизм», «общественное благо», «гражданственность», «братство», «справедливость» станут главными в организации личного и общественного бытия и которая будет использовать свой интеллектуальный и духовный потенциал не для грабежа Родины и личного обогащения, а для ее развития и процветания.

Сохранение и качественное обогащение единого политико-правового и духовно-культурного Космоса многонациональной России, сложившегося на основе многовекового полиалога национальных традиций народов, исторически населяющих страну, есть необходимое условие процветания и дальнейшего творческого развития российского духа. Народы России ответственны сегодня не только за судьбу собственных культур, но и за будущее единого Отечества и только на основе осознания нерасторжимого единства своей духовности с духом остальных могут обеспечить подлинное национальное и культурное развитие всех народов многонациональной России.

Прогрессивное движение в мировое сообщество должно иметь конкретные пределы, чтобы не затеряться в просторах цивилизованного мира и сохранять свою национальную идентичность, чтобы не растерять свой духовный опыт и достигнутые исторические и социальные завоевания. Жизнеспособность и будущее России зависят от готовности ее руководства, ее интеллектуального и научного потенциала творчески использовать достижения мировой культуры в области общественного и государственного устройства, корректируя их с возможностями собственной исторической традиции в созидательном преобразовании общественной жизни. В достижениях накопленного веками национального жизненного опыта, в традиции нужно искать основу для обновления. Именно ценности традиции, на наш взгляд, должны образовать духовный стержень национального подвигничества на путях обретения россиянами адекватных их духу новых форм подлинного исторического существования, сохранения и развития самобытной культуры и ментальности.

ⁱ Нарочницкая Н. Осознать свою миссию // Наш современник. 1993. № 2. С. 67.

ⁱⁱ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1991. С. 52.

ⁱⁱⁱ Скоробогатский В.В. Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. – Екатеринбург: Наука, 1997. С. 168.

^{iv} Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. С. 120.

^v Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. С. 4.

Т.И. СУСЛОВА
г. Томск

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Глобализация охватила область культуры примерно три десятилетия назад. Новый уровень культурной интеграции стал возможен благодаря высоким технологиям, информатизации и пока касается только достаточно развитых и богатых стран. В целом это позволяет унификации сочетаться с локальным культурным кодом, а где-то локальные культуры оказывают сопротивление глобализации. В странах Европы на уровне государственной политики в области культуры происходит противостояние американизации (в области телевидения, рекламы, кинофикации...).